

ОТКРЫТИЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ЭПОХИ И СТИЛЬ

Аннотация. Статья посвящена эволюции юриспруденции в различных аспектах и контекстах исторического существования права. Общий подход основан на разграничении понятий «образование юриспруденции» и «открытие юриспруденции». Образование юриспруденции протекает в социокультурной логике развития правовых систем, составляя институциональный аспект их становления, формирования и функционирования в структуре образов, вероучений и формально-логических конструкций и определений. В этой части своего содержания проблематика образования науки права входит в предмет историко-генетической юриспруденции или в ее учебной редакции — истории юридической науки. В данном аспекте своего существования юридическая наука рассматривается в качестве института общей правовой реальности, наряду с ее нормативным, процедурным и юридико-техническим измерением. Открытие юриспруденции связано с процессами ее рефлексии на предмет самое себя, изучения различных исторических форм ее когнитивного выражения. Это вопрос, прежде всего, внутренней концептуальной эволюции юридической науки, когда ее содержательные и формальные характеристики являются предметом теоретико-методологической разработки в границах исторической семантики, лексики и аналитической грамматики культурной эпохи. В этой части своего содержания юридическая наука составляет предмет правовой эпистемологии.

Ключевые слова: эволюция юриспруденции, образование юриспруденции, открытие юриспруденции, смена культурно-исторических парадигм, трансформации права и науки права, правовая эпистемология, культурно-историческая юриспруденция, язык юриспруденции, дисциплинарная структура юридической науки.

REVELATION OF JURISPRUDENSE: ERA AND STYLE

Abstract. The article focuses on the evolution of jurisprudence in various aspects and contexts of the historical existence of law. The formation of jurisprudence takes place in the sociocultural logic of the development of legal systems, making up an institutional aspect of their formation, formation and functioning in the structure of images, beliefs and formal-logical structures and definitions. In this part of its content, the problem of education of the science of law is included in the subject of historical-genetic jurisprudence or in its educational edition — the history of legal science. In this aspect of its existence, legal science is regarded as an institution of general legal reality, along with its normative, procedural and legal-technical dimension. The discovery of jurisprudence is connected with

the processes of her reflection on the subject of herself, studying various historical forms of her cognitive expression. This is a question, first of all, of the internal conceptual evolution of legal science, when its meaningful and formal characteristics are the subject of theoretic and methodological development within the boundaries of historical semantics, vocabulary and analytical grammar of the cultural era. In this part of its content, the legal science is the subject of legal epistemology.

Keywords: *evolution of jurisprudence, the education of jurisprudence, opening of jurisprudence, change of cultural and historical paradigms, transformation of law and science of law, legal epistemology, cultural and historical jurisprudence, language of jurisprudence, disciplinary structure of legal science.*

... в нашу эпоху, когда образ предпочитают вещи,
копию — оригиналу,
представление о действительности самой действительности,
а видимость — бытию,
лишь иллюзия обладает реальностью.
Л. Фейербах

1. Исторические эпохи и познавательные практики

Право — явление бытия и сознания, юридической повседневности и мышления; живет своей социокультурой; одновременно контекстуально и конвенционально. Историческая динамика отношений природы и общества, общества и религии, общества и государства, поскольку в них заключены и ими определяется генезис, становление и развитие правовых систем прошлого, настоящего и будущего, составляет предмет науки права. Теоретическая разработка социально и ментально заданных оснований и процессов образования и осмысления права, представленных в разнообразных исторических практиках институционального общения, предполагает наличие адекватного уровню сложности исследуемого явления аналитического языка самой юриспруденции. Понятие права существует в ментальных образах и когнитивных определениях социокультуры. *Различным эпохам в развитии права корреспондируют различные эпохи в понимании права и аналитики науки права, выраженные в образах и представлениях практического и концептуального языка своей социокультуры.* Движение разнообразных культурно-исторических формаций существования и выражения права — систем традиционного, религиозного и позитивного права, включает в себе генеалогию становления и развития юриспруденции, отвечающей ментальным и когнитивным запросам своего исторического места и времени. Эволюция институтов и эволюция знаний об институтах переплетаются в общем процессе соционормативной эволюции наличных право порядков. В этом смысле, социальное общение — одновременно институционально и концептуально; одновременно протекает в системе социальных институтов и переживается и осмысляется в системе культурных концептов. Социальная практика ищет право, а право находит себя в юриспруденции.

Юриспруденция не ограничивается высокой теорией. Она различает низкие и высокие жанры своих повествований о должном. Ее предмет пронизывает все аспекты правовой реальности, входит в состав повседневного общения, отражается в стереотипах поведения и юридического мышления [1; 2; 3; 4; 5; 6], что делает юридическое знание универсальной культурно-исторической формой понимания и ориентации в мире социальных отношений, сосуществования сущего и должного, фактов и ценностей. В структуре юриспруденции ключевое место занимает изучение разнообразных и конкурирующих концепций правовой аргументации, действительности и действенности правовых определений, производных и связанных социокультурным (*внешним*) и концептуальным (*внутренним*) контекстом своей исторической эпохи; в том числе проблематика дифференциации и фрагментации юридических стилей и риторических приемов различных исторических эпох, а также насыщенности юридических текстов культурно-историческими реминисценциями, образами и ожиданиями. И наконец, инкорпорации юридических текстов, языка и аргументации одной исторической эпохи в правосознание и юридические тексты другой исторической эпохи, а также доктринальных и концептуальных границ их заимствований. Траектории возможных содержательных и формальных транзитов и пересечений нормативной семантики и лексики различных культурных эпох можно продолжать до бесконечности.

Развитие юриспруденции подчинено потребностям развития правовых систем, возникающих на пересечении экономических, политических и культурных практик социального общения: Античной истории, Средневекового мира, Нового и Новейшего времени — если следовать стандартной схеме формационных и культурных изменений. Это значит, что одновременно и среды различных форм правового общения, представленных своими юридическими картинками мира, доктринальными и нормативными положениями юридических текстов и обслуживающих их дискурсивных систем вовлечения другого [7] в структуры доминирующих социальных интересов и умонастроений. Юриспруденция — концептуальная часть правовой реальности, образующая наряду с правовыми институтами (*фактами*), правовыми доктринами (*ценностями*) и правовыми традициями (*архетипами*) совокупный механизм ее формирования и воспроизводства. Если правовая доктрина легитимирует социальный порядок, а юриспруденция его концептуализирует, то правовые институты легализуют, делают предсказуемым как в формальном, так и содержательном аспекте социального общения.

Право действует как социокультурная целостность в живой системе взаимодействий правовых идей, норм и ценностей, что составляет феноменологическое основание формирования юриспруденции, а именно, ее категориального и аналитического языка, предметных сдвигов внутри концептуального ядра и периферии, обеспечивающих изменение и восстановление целостности самой дисциплины. В этом аспекте своего бытования

юридическая наука является одной из исторических форм существования юриспруденции как таковой или кодифицированного мнения признанных обществом носителей знания права отдельных исторических эпох, наряду с юридической мифологией и богословием.

Современное состояние развития юридической науки связано с задачей поиска когнитивных (*эпистемических*) оснований формирования самой научной дисциплины, ее предмета и корреспондирующей ему дисциплинарной структуры. Изучение вопроса предполагает широкий социокультурный и междисциплинарный контекст теоретического и практического осмысления исторической динамики движения и трансформации ее аналитического языка, его лексики и нормативной грамматики. Среди разнообразных подходов в исследовании юриспруденции представляет интерес ориентация в изучении и понимании отдельных культурно-исторических формаций юридического знания как результата генеалогического процесса или процесса зарождения и смены эпистемологических матриц юридической науки — ее языка, предмета и дисциплинарной структуры в различных социокультурных контекстах концептуального развития и воспроизводства.

Здесь необходимо небольшое отступление. Проблема в том, что обсуждение вопроса предмета и методов юридической науки в традиционном формате их понимания включает в себя, главным образом, такие тематические рубрики, как учение о праве (понятии права), теория источников и норм права, правоотношений, юридической ответственности, толкования и применения права. Что получает свое классическое отображение и в структуре учебников (теории государства и права, теории права и государства, общей теории или проблемах права). Сама юридическая наука как форма концептуализации права, система юридических представлений и знаний о праве, языке описания и объяснения государственно-правовых явлений, его понятиях и определениях, их достоверности и адекватности, если и составляет предмет научного исследования, то только в элементарном и ограниченном объеме его теоретико-методологической рефлексии. Включение в дисциплинарную структуру правоведения учебного курса «История и методология юридической науки» означает известный сдвиг в конструировании своего предмета, но существенно не меняет общую картину границ его понимания. Безусловно, изучение отдельных подходов и теоретических концепций базовых категорий и понятий права в их исторической последовательности имеет фундаментальное значение в развитии самой юридической науки. Однако, данные темы ни с содержательной, ни с формальной точек зрения не тождественны исследованию концептуальной логики и преемственности в развитии самой юриспруденции как исторической формы юридических знаний. Что не исключает и не снимает необходимости формирования в ее структуре нового предмета, связанного с проблематикой осмысления природы юридического знания и правоформирующей роли юридических доктрин и школ в развитии и кризисах правовых систем прошлого, настоящего и

будущего. Разработка вопросов концептуального статуса самой юриспруденции, то есть ее предмета и дисциплинарной структуры, аналитического языка и инструментария пребывает сегодня практически в первозданном состоянии, несмотря на обилие в отечественном юридическом лексиконе всевозможных слов о методологии, гносеологии, аксиологии права и правовой герменевтике. Аргументация от противного, то есть по поводу того, что в составе правоведения уже разрабатывается проблематика истории политических и правовых учений (предмет доктринальной юриспруденции), имеющая свою собственную историю развития, не закрывает возможность осмысления правовой реальности в рамочных определениях эволюции систем юридических знаний (предмет концептуальной юриспруденции) или практических и теоретических языков ее существования и выражения. Общая грамматика правопорядка имеет формальное и доктринальное, языковое и концептуальное измерения, составляющие в совокупности предмет интегральной юриспруденции или общей методологии и эпистемологии юридической науки.

Возвращаясь к теме, нужно сказать, что историко-генетическая перспектива в изучении права как языковой и когнитивной реальности, одновременно образной, символической и понятийной составляет, на наш взгляд, то исследовательское направление, которое позволяет одновременно раскрыть и актуальные значения, и метафизические смыслы аналитических конструкций науки права в разнообразных цивилизационных (*дискурсивных*) практиках ее конституирования. Генеалогия правопорядка заключена в языке социокультуры исторической эпохи, его когнитивного стиля. Языки объекта юриспруденции и языки описания объекта юриспруденции не тождественные, но пересекающиеся в своей онтологии и эпистемологии категории. Язык права и язык науки права живут в различных измерениях или контекстах, фактическом и концептуальном. Язык права — это язык нормативных значений и определений. Язык науки права — это язык метафизических смыслов и аналитических определений. Различение и концептуализация разнообразных уровней (эмпирического и теоретического) и форм (фактического и ценностного) юридического знания, его выражения и представления в различных традициях правопонимания, тем более, когда сама юриспруденция выступает предметом аналитической рефлексии, открывает новую исследовательскую перспективу в изучении и права, и науки права. Превращения языка права или юридически означаемого в язык науки права или юридически означающего выдвигает в качестве базовой исследовательской парадигмы правовой реальности в ее институциональном и концептуальном измерении семиотику, поэтику и прагматику юридического концепта действительности, в самом себе заключающего оба конститутивных элемента правовой реальности — правовое поведение и правовое мышление. В этом аспекте своего понимания юридический концепт действительности является интегральным предметом синтетической теории права.

Языки категорий права и языки понятий науки права в их взаимных пересечениях и определениях составляют новое фундаментальное направление юридической науки. Комплексная саморефлексия юриспруденции на предмет самое себя, хотя и имеет уже собственную концептуальную традицию, еще не раскрыла свой исследовательский потенциал. Появление особой дисциплинарной области под общим наименованием «История и методология юридической науки» является весьма значимым фактом в общей системе и практике дифференциации и интеграции юридического знания. В формировании данной формы рефлексии на предмет собственных оснований концептуальной эволюции сохраняются признаки переходности. Основные содержательные элементы дисциплины заключены, главным образом, в аналитические схемы истории политических и правовых учений, что само по себе, безусловно, вполне объяснимо с точки зрения влияния на развитие аналитики теории права и правовой догматики, правовых доктрин. Что не исключает, а предполагает поиск и накопление собственных предметно-понятийных оснований и конструкций юридической науки [8; 9].

Библиография вопроса весьма обширна, но тематически не структурирована, поскольку ее предмет размыт. Главное не заговорить тему, что характерно для отечественной юриспруденции. Любой эпизодический перевод из иностранных источников вызывает лавину мнений, кончающейся ничем, до нового всплеска аналитического энтузиазма. Юридические школы, если таковые имеют место, в основной части комментаторские и вторичные на фоне общемировой юридической мысли и интеллектуальной традиции. Унылые песнопения о праве, установленном государством, как альфе и омеге явления правильного должного в неправильном сущем, продолжают свое шествие в учебных аудиториях высших юридических образовательных учреждений, хотя уже доказано и, более того, очевидно, что право и законодательство — нетождественные юридические категории и явления.

Первое субстанционально по своей внутренней социокультурной и нормативной природе, второе политически мотивированно и конвенционально. Сама по себе связь современного, так называемого позитивного права, и бюрократического государства очевидна, ввиду его технико-юридической сложности и технологичности. Формальная рационализация и процедурность сами по себе представляют ценность, если воплощающее их право выражает действительно юридическое содержание. Границы нормотворчества и правотворчества, хотя и устанавливаются законотворчеством, но не определяются им. Право заключено в своей социокультуре, ментально и когнитивно определяющей формы действительно юридической организации социальных институтов. Это живая и автономная реальность сообщающихся сосудов должного и сущего в их онтологически заданной связи и культурно-исторической обусловленности правосознанием своего исторического времени.

Отечественная юридическая наука постепенно открывает новую для себя область исследований. К сожалению, историография вопроса ограничивается весьма узким форматом теоретико-методологических построений и полученных результатов [10; 11; 12; 13; 14]¹. Метод есть способ мыслить то или иное явление в категориях, представлениях и понятиях той или иной эпохи и той или иной научной дисциплины, то есть на ее концептуальном языке. В этом смысле научная дисциплина является ничем иным как предметным выражением заключенной в ее структуре и языке методологии. Исследование явления включает в себя и исследование научного аналитического инструментария, которым располагает сама дисциплина на той или иной культурно-исторической фазе своей концептуальной эволюции. Эпистемология права — именно та часть юридической науки, которая определяет концептуальные границы понимания, реконструкции и объяснения явления. Расширение или сужение предмета исследования связано с расширением или сужением метода исследования. Изучаемое явление и его эпистема или внутреннее категориально-понятийное ядро в рамочных определениях которого мы можем мыслить явление, — два взаимозависимых (предметное и концептуальное) измерения науки, означаемое и означающее культурно-исторической эпохи.

Каждая культурно-историческая эпоха существования науки права видит в праве только то, что может увидеть исходя из своих базовых представлений о должном порядке отношений. Мифопоэтическая юриспруденция, юридическая теология и формально-догматическая юриспруденция являются ничем иным как способами и стилями осмысления правовой реальности, существующей и представленной в языке и определениях социокультуры своего исторического времени и пространства. Это — концептуальный симбиоз исторически возможных и вариативных квалификаций права, в котором аналитические элементы ядра и периферии меняются местами, оставаясь единицами общей структурной целостности. Миф, вера и логос никуда не уходят, они живут в правосознании эпохи собственной концептуальной жизнью, ожидая каждая своего исторического часа. Иллюстрацией подобного процесса и состояния является марксизм, историческое явление эпохи модерна, одновременно политический миф и религиозное учение, «задрапированное» в понятийную «униформу». Практическое воплощение идеологии политического счастья в коммунистическом исполнении получило свое концептуальное продолжение в марксистско-ленинской теории государства и права, выскочить из доктринальных определений которой не может отечественная юридическая наука до настоящего времени, хотя

¹ Среди монографических исследований особое место занимает работа А.М. Михайлова «Актуальные вопросы теории правовой идеологии и методологии юриспруденции» (М., 2016), посвященная вопросам эволюции концептуальных оснований теории права, третий раздел которой охватывает весь ма представительный, исторически, аналитически и предметно аргументированный материал.

итоги ее классово-аналитики — сплошные руины во всем, к чему товарищи приложили свои мыслительные способности.

Моральное поведение права предполагает моральное поведение и в науке права. Вместо концептуальной разработки права имел место и продолжается процесс его индоктринации, но уже в весьма агрессивном либертарном исполнении — ментальной реинкарнации большевизма. Процессы институционализации права требуют его концептуализации на языке гражданской правовой культуры, что ограничивает возможность привязывания ее положений к обслуживанию корпоративных, олигархических интересов под прикрытием государственной заботы об общем благе, свободе, равенстве и справедливости, особенно о последнем измерении правомерности и неправомерности юридических практик. Это не вопрос текущей правовой политики. Это проблема готовности соответствовать признанным социальным, экологическим и правовым стандартам времени. Как же хочется быть тем, чем по определению не являешься. Либертарное правопонимание не на словах, а на деле оказалось тем, о чем в свое время говорил еще К. Маркс, разграничивая понятия «право» и «законодательство». В отечественной практике это право как выражение воли олигархического класса, господствующего в экономике и политике, и чьи интересы обслуживаются государственной бюрократией. Разветвленная сеть теневых институтов включена в организацию разнообразных форм корпоративного влияния на принятие решений законодательной и исполнительной властью, начиная от практики прямого делегирования своих представителей через избирательные процедуры в федеральные и региональные органы государственной власти и проведения консультативных совещаний по ключевым аспектам финансово-экономической политики страны. Основоположник либертарно-юридической версии понимания права и концепции «цивилизма» (имея в виду, разумеется, В.С. Нерсисянца), полагаю, переворачивается там, где мы, каждый в свое отведенное время, будем.

Проблемы теории права — это, прежде всего, формулирование комплекса вопросов, адресатом которых служит сама теория права — *«что есть наука права, а что не есть наука права»*. Отсюда собственно и актуальность темы формирования в общем корпусе юридической науки особой дисциплины, предметом которой является юриспруденция. То есть теория теории права или метатеория. Ее проблематика включает не только и не столько вопросы образования (становления) юриспруденции, а вопросы открытия юриспруденцией самой себя в качестве предмета исследования. Это не только концептуальная история самой юридической науки, а, скорее, осмысление единства и разнообразия форм ее саморефлексии на предмет самое себя, заданных внутренней (*концептуальной*) и внешней (*социокультурной*) логикой эпистемологического развития. Иначе говоря, юридической науке важно знать, на какой фазе эволюции своего предмета и своих аналитических подходов она стала называться наукой, почему она является наукой, когда

она начала осознавать себя таковой, в какой степени и на каких основаниях. Это — вопросы не исторических форм права, а исторических форм юридического мышления, юридической аргументации и истины.

Право и наука права — две ипостаси или два измерения общей правовой реальности, ее концептуальная и институциональная культурно-исторические модальности существования и выражения. В их взаимных отношениях, взаимовлияниях и пересечениях выстраивается собственная конкретно-историческая архитектура отдельных правовых систем, органической частью которых является юридическая наука. Теория права составляет концептуальное ядро юридической науки, интегральной и комплексной научной дисциплины в общей системе социогуманитарного знания. Теоретическая разработка феномена права предполагает теоретическую разработку понятия «право» и теоретическую разработку понятия «наука права». Два исходных положения концептуализации права и науки права требуют методологических разъяснений. Право — сложная — многоэлементная, многосоставная и многоуровневая категория. Право — функция социального, политического, культурного общения, взаимодействия и коммуникации, то есть комплексный, одновременно социальный, политический и социокультурный институт. Отсюда логично вытекает понимание феномена права как комплексного предмета социальной, политической и юридической науки, поскольку в составе суждений о праве органично сосуществуют, наряду с юридическими суждениями, также политические, антропологические и социологические суждения. Из этого собственно и проистекает первая фундаментальная проблема и тема теории права — проблема различения юридического и неюридического измерения или составляющих феномена права, то есть различения юридических и неюридических знаний о праве. Другое положение непосредственно связано с первым. С тем, что не всякое юридическое суждение о праве является теоретическим суждением, возникает и вторая фундаментальная проблема и тема юридической науки — проблема критериев и оснований квалификации теоретических построений в праве, проблема эпистемологии права. С этого и начинается собственно сама теория права и теория ее предмета, методов и структуры.

Феномен права имеет два безусловных модуса существования и выражения: в системе институтов и в системе идей, представлений и концепций. Связь данных проявлений правовой реальности задана онтологически. Влияние институтов на развитие системы юридических знаний (содержание и структуры) и влияние юридических знаний на развитие правовых институтов (содержание и структуры) подтверждается историческим опытом функционирования типологически различных правовых систем. Их предметной эмпирической иллюстрацией являются фазовые состояния классического римского права и его концептуального продолжения классической римской юриспруденции [15; 16; 17; 18]. Превращения или переходы знаниевых форм

выражения и существования права в правовые конструкции и институты образуют ключевую тему юридической науки.

Явление права возникает и обнаруживает себя не только в процессах и системах социальных коммуникаций, их иерархий и сетей. Оно возникает и существует в определениях языка, на котором говорят и рассуждают о явлении, осознают и мыслят явление [19; 20]. Язык, на котором говорят и рассуждают о явлении, уже в самом себе заключает, что мы мыслим, то есть — предмет рассуждения, и как мы мыслим, и значит, метод или логику рассуждения. Еще до того как мы начали концептуально осваивать явление права, границы его существования и определения заданы нормативным языком социокультуры. В этом смысле правовая реальность, которая прячется в явлении — это также функция языка, его лексики (словаря и терминологии) и нормативной грамматики (правил и способов рассуждения). Язык, на котором мы говорим, думаем и рассуждаем о праве, не только отражает юридическую реальность. Он также производит юридическую реальность, поскольку реальность права обнаруживает себя в границах принятого нормативного языка общения и рассуждения о праве.

Реальность права такова, какой язык понимания права в рамках социокультуры его существования. Язык порождает определенный текст. Язык, на котором пишется текст, и правила организации текста или дискурс образуют социокультурное основание права. Правовая реальность есть Текст (или ткань, если заглянуть в этимологию слова) или фундаментальная форма ее устной и письменной манифестации. Устное право и письменное право — две исторические эпохи соционормативной коммуникации, эпохи звуковой юриспруденции и письменной юриспруденции, визуальной юриспруденции (*жестов и действий*) и вербальной юриспруденции (*суждений и понятий*) [21; 22; 23]. Это также две фундаментальные эпохи развития языка права и науки права, эпохи в развитии форм и систем юридического знания, его производства, передачи и сохранения в социокультурной практике и исторической памяти. Смена эпох, это смена гештальта или глубинных ментальных оснований существования социального порядка, влекущих необратимые изменения как в его аксиологии, так и эпистемологии.

Явление права существует и воспроизводит себя в языке своей культуры, ее нормативной грамматики. В юридической науке в позитивистском формате ее развития достаточно полно представлена формально-догматическая версия понимания места и функций юридического языка в его практическом и научном значениях [24; 25]; современное представление о роли языковых манифестаций права развернуто в статье Н.В. Андрианова [26]; глубинные основания языковых определений права изложены в монографии Г.А. Гаджиева [27]; традиция зарубежной литературы вопроса бесконечна; в своей философской интерпретации проблема языковой реальности поставлена еще в трудах Б. Рассела и Л. Витгенштейна; в юридическом аспекте ее понимания конкретизирована Г. Хартом [28].

Соционормативная грамматика формирует и выражает сложный, многоуровневый и многосоставной правопорядок или ансамбль исторически возможных и признанных юридических практик, обеспечивающих организацию социальных отношений. Сегодня мы входим в новую реальность и новую эпоху, время глобальных сетей и глобальных коммуникаций, электронных (цифровых) денег и электронного (цифрового) права, права сетевых сообществ и трансграничных (транснациональных) институтов. Безотносительно к чему бы то ни было, в основании этих процессов лежат социокультурные трансформации в практиках социального общения и системах наличного языка общения и его дискурса. Именно эти составляющие права — юридический язык и юридический дискурс — образуют собственный предмет теории права — феноменологию и эпистемологию права, юриспруденцию социальных иерархий и юриспруденцию социальных сетей.

Эпистемология права и есть общая теория науки права в ее собственном смысле данного понятия, то есть дисциплина, предметом которой является сама теория права в двух ее составляющих — теории предмета теории и теории методов теории. Теория предмета науки права — это теория юридического текста или онтологических (социальных, политических и культурных) оснований права. Теория методов науки права — это теория юридических языков и юридических дискурсов (или категориально-понятийных аппаратов), которыми располагает научная дисциплина определенной исторической эпохи. Прежде чем изучать реальное право, необходимо установить исторические и концептуальные границы языка, на котором говорит право, понимают и рассуждают о праве.

Право и наука права — категории и предмет исторической феноменологии, то есть явления, чье существование протекает в системе координат культурно-исторического времени и пространства [29; 30]. Эволюция права и наука права воспроизводят контовскую социокультурную или цивилизационную схему своего возникновения, становления и развития (Огюст Конт, «Дух позитивной философии», Париж, 1844), включающую первоначальную, переходную и современную стадию институционализации и концептуализации практик соционормативного общения [31; 32; 33; 34]. Различают, соответственно, доправовую, переходную и собственно правовую фазу трансформаций и изменений в составе и структуре систем нормативной организации социальных отношений. Им, в свою очередь, корреспондирует донаучная, переходная и собственно научная фаза развития юридических представлений о праве, то есть различных исторических формаций юридического знания. Обе составляющие общей культурно-исторической эволюции систем социального общения (право и знание права) связаны с процессами фрагментации и интеграции, как форм правового регулирования, так и форм знания права, характеризующих архаическую, энциклопедическую (собрания, компендии, суммы) и теоретическую эпохи существования и выражения универсальной грамматики правопорядка.

Современный процесс концептуализации права связан с параллельными процессами дифференциации и интеграции знаний о праве, включающими такие относительно автономные дисциплинарные области, как философия права, теория права, социология и антропология права со своими предметами, методами, категориями и понятиями, структурой и междисциплинарными связями. Особая дисциплинарная область изучения правовых явлений — сравнительно-историческая эпистемология и семантика, касающиеся сравнения не столько правовых институтов, а отдельных формаций юридических знаний, их концептуальных языков, вырабатываемых в различных культурно-исторических контекстах [35; 36; 37].

2. Культурные матрицы и стили юридического мышления

Аналитический подход к теме основан на представлении о трех модусах институционального и концептуального существования и выражения систем нормативного регулирования — трех культурных техник, форм и моделей понимания, описания и объяснения права, представленных в системах мифологических, религиозных и рационально-логически организованных определений и правоположений. Правовые системы связаны со стилем правового мышления и правопонимания — ментальным, когнитивным и аналитическим измерениями правовой реальности. Понимание природы права и механизмов развития юриспруденции (знаниевых форм права) лежит в основании и развитии правовой эпистемологии или исторических форм концептуализации юриспруденции. Правопонимание является общим когнитивным источником и права, и науки права. В этом смысле правопонимание, порождая юриспруденцию или знаниевую форму права, порождает и систему права или институциональную форму права.

Право и наука права даны в рамочных определениях социокультуры исторической эпохи, то есть понимания и признания того, что́ есть право и что́ не есть право, и понимания и признания того, что́ есть наука права и что́ не есть наука права. Понимание права или метафизика права предшествует догматической разработке права или позитивной юриспруденции. Отсюда вытекают следующие методологические положения. В общей системе определений права философское определение лежит в основании формального определения. Поэтому в общем корпусе юридической науки, в логике ее многосоставного, многоэлементного и многоуровневого предмета различают философию права, историю политических и правовых учений, собственно теорию права (догматическую, аналитическую, синтетическую) и историю и методологию юридической науки. Традиционная дисциплинарная матрица — ее язык и структура, разумеется, сохраняя свое аналитическое значение, может быть открыта или закрыта для дисциплинарных изменений в контексте и границах новых условий ментального и концептуального развития.

Основная эпистемологическая проблема (*тема*) юриспруденции состоит в совмещении в понятии права универсальных и конкретно-исторических определений его содержания и формы, концептуального ядра и периферии. Это предполагает, во-первых, факторный анализ права или анализ изменений под воздействием внешней среды (контекстуальные определения права) и, во-вторых, аксиологический анализ права или анализ изменений базовых правоформирующих и правоопределяющих ценностей (конвенциональные определения права). Поэтому в общем процессе культурно-исторической эволюции права и науки права различают эпоху правовой архаики, модерна и постмодерна или постюриспруденции. В них обнаруживает себя процесс смены культурно-исторических стереотипов поведения (*паттернов*) и культурно-аналитических парадигм (*концептов*).

Общее движение юридических отношений действительности может быть выражено в формуле перехода от иерархии и традиции к сетевым, консенсуальным и конвенциональным техникам в организации правовых систем. Процессы пересечений и переходов от моделей жесткого и мягкого права и наоборот существуют в собственной циклической логике кризисов и восстановления равновесия между должным (*желаемым порядком*) и сущим (*реальным порядком*). *Нечто правильное для одной эпохи и стиля правового мышления превращается в свою противоположность для другой эпохи и стиля правового мышления.* Расширяют ли свое влияние теньевые формы социальных коммуникаций? Просыпаются ли спящие до поры до времени правовые институты, скрывающие кризис, чтобы вернуться историческим вызовом очередной эпохе нового цикла превращений нормативных и концептуальных форм общения и понимания права? Иерархии инкорпорируют социальные сети или социальные сети модифицируют иерархии?

Все повторяется — и завершенное, и незавершенное. Юриспруденция не исключение. Ее будущее заключено в новом прочтении и переосмыслении накопленного аналитического наследия. Развитие права — это также развитие представлений о праве, одной из познавательных форм которых выступает юриспруденция или наука о праве, которая, также как право, является *предметом* научного исследования, и также как право, проходит в своем развитии определенные исторические фазы формирования своего языка понимания и объяснения права. Различные подходы в изучении права представлены в своей ретроспективе мифологической школой права, школой правовой теологии и рационального права. Все три направления концептуальной рефлексии отдельных форм и исторических эпох существования права и науки права связаны и определяются юридическими картинами мира своего времени, его правосознанием. Первоначальная юриспруденция — юриспруденция бесписьменных сообществ. Это юриспруденция звука и жеста, ритуальных практик (танцев и инициаций), юриспруденция знаково-символических форм выражения и репрезентации права. Последующая эволюция правовых систем связана с развитием письменного права и, соответственно, появле-

нием собственных форм рефлексии на предмет понимания и определения права. Энциклопедия права, правоведение, теория права, теория государства и права, общая теория права и государства — все это терминологическое разнообразие наименований форм юридического знания выражает также и разнообразие подходов в понимании и объяснении природы права, а по существу — разнообразие понимания юридической наукой себя на отдельных исторических фазах своей концептуальной эволюции. Так, юриспруденция или квалифицированное мнение практикующих юристов классической эпохи в развитии римского права (в первичном значении данного термина) являет собой персонифицированный формат юридического знания. В эпоху Юстиниана (греко-христианской традиции понимания права) оно обрело кодифицированную форму нормативных суждений, своего рода симбиоз правил и дефиниций (норм-дефиниций в современной редакции). Другой формат юридических знаний — энциклопедии права — в отличие от классической юриспруденции, представляет собой уже доктринальные собрания общепринятых представлений о праве юридических сообществ определенных юридических эпох и школ. Появление в общем корпусе юридической науки таких аналитических форм как теория государства и права и теория права и государства также имеет под собой определенные доктринальные основания и различия языков описания и объяснения государственно-правовых явлений. Все эти и другие разнообразные модусы существования и выражения юридического знания требуют систематического изучения своих содержательных и формальных элементов. Современная эпоха существования и выражения права — постюриспруденция или юриспруденция цифровых форм нормативной организации и регулирования социальных коммуникаций означает постепенный уход с исторической сцены письменного права и замещение его цифровым правом с собственным практическим и теоретическим языком описания и объяснения правовых явлений. На место человека устного и письменного слова идет унифицированное и безликое существо — человек цифры, человек анонимных и деперсонифицированных форм сетевого общения. Ничего личного и приватного, одни «лайки» и отчуждение от себя и другого.

Каждая версия понимания и объяснения права располагает собственным аналитическим инструментарием, который позволяет увидеть в явлении права только те формы существования и выражения правовой реальности, которые лежат и могут быть открыты только в рамках своих подходов и определений. Предмет обсуждения состоит в ответе на далеко не риторический вопрос. А именно, культурно-исторических и концептуальных границ совместимости языков права и языков теорий права в классическом и постклассическом понимании. Познание права включает в себе открытие когнитивного стиля эпохи и критику науки права как выражения этого стиля. Ответить на вопрос, что есть право, означает установить, что не видит в явлении права и почему не может увидеть любая версия понимания

права, тем более, претендующая на концептуальную монополию. Каждая версия говорит на своем языке о праве и живет в рамочных определениях своего предмета.

Культурно-исторически заданная потребность осмысления языка права и науки права, как правило, определяется изменениями и сдвигами в их предметных и когнитивных основаниях. Вместе с тем всегда сохраняется известная инерция и преемственность аналитического инструментария понимания природы права на различных культурно-исторических фазах его развития и концептуального осмысления в рамочных определениях *скользящих* эпистемологических границ [38; 39; 40; 41; 42] (термин заимствован из работы отечественного логика и методолога В.А. Лекторского [43]).

Ни нормативизм, ни либертарный форматы доктринальной юриспруденции, ни реалистическая и коммуникативная школы права не являются носителями истины в последней инстанции. Это всего лишь фрагменты бесконечной в своих репрезентациях, определениях и характеристиках правовой реальности. *Как вещественная архитектура храма является памятником веры, так и концептуальная архитектура юриспруденции является памятником праву, его юридической действительности и действительности.*

Развитие юриспруденции как научной дисциплины самым непосредственным образом привязано к учебно-образовательным программам высших юридических учебных заведений. К сожалению, в учебной литературе минимальное место занимает проблематика становления и развития самой юридической науки в современных трактовках ее сложного предмета и дисциплинарной структуры. Такие категориальные формации юридической науки как юриспруденция норм, юриспруденция ценностей, юриспруденция понятий, аналитическая юриспруденция и другие концептуальные форматы теоретических подходов в понимании природы права практически выпадают из учебных курсов. Учебные программы воспроизводят давно утратившие свое содержательное и аналитическое значение темы. Юридическая наука и образование живут в разных интеллектуальных мирах. В частности, дисциплина, традиционно читаемая в качестве теории государства и права, зачастую имеет весьма ограниченное отношение к современной теории права и теории государства. Нуждаются в строгой концептуализации такие фигуры речи, как классическая или неклассическая юриспруденция, а тем более, влекущий в туманные дали термин «постюриспруденция». Особенно это касается конструкции «современная юриспруденция». Современная в смысле хронологии (времени написания и опубликования бессмертного текста) или современная в смысле аналитических подходов и языка постановки и обсуждения научных проблем? Все эти ограниченно развернутые и незавершенные в своих определениях конструкции как бумеранг возвращаются и в научную, и практическую деятельность будущего, которое не всегда рядом, потому что его может и не быть.

Новые политико-правовые проблемы и процессы требуют новых концептуальных решений и схем изложения материала. Введение в оборот современного юридического языка описания и объяснения государственно-правовых явлений — фундаментальная проблема отечественного правоведения. Переводы зарубежных источников, разумеется, служат важным элементом развития и преподавания дисциплины [44; 45; 46]. Показательный элемент общей работы в этом направлении — перевод под общей редакцией профессора Л.Г. Ионина фундаментального труда Макса Вебера «Хозяйство и общество» в четырех томах, из которых тома «Право» и «Господство» и сегодня сохраняют свое общеобразовательное значение. Однако, сама по себе переводческая активность ни на йоту не снимает необходимости собственного прочтения реалий мира государственно-правовых отношений. Особенно сказывается отсутствие в образовательном процессе специализированных историографий и концептуальных обзоров современной литературы вопроса, тем более в ситуации фрагментации научных и учебных дисциплин юридического профиля. Классические образы подобных текстов представлены западноевропейскими мыслителями [47; 48].

Эволюция права (*институтов*) и науки права (*определений*) — это эволюция исторически выработанной юридической картины мира или системы фундаментальных для данной культуры общения категорий, ценностей и концептов должного или недолжного порядка социальных отношений. Юридическая картина мира — ключевая категория юриспруденции. Это — культурная матрица и категориально-понятийный капитал эпохи, постоянно производимый и расходуемый в исторических практиках социального общения. Это — система базовых метаоснований, ориентаций и траекторий возможных структурных изменений и трансформаций социокультурных координат развития права и науки права, становления и перехода в другую социокультурную и юридическую систему организации, как права, так и систем знаний о праве. В них заключены и ими определяется динамика институциональных и концептуальных изменений наличных правовых систем, границы их сравнимости или несравнимости, совместимости или несовместимости.

Каждой кризисной эпохе в эволюции юридических картин мира корреспондируют свои культурно-исторические логики трансформации в составе и функциях правовых институтов, в составе и иерархии ценностей, в системе представлений о праве, составе ее категорий, определений и понятий, значениях и смыслах ее языка. Типология форм культурно-исторической эволюции юридических картин мира симметрична уже упомянутой контовской цивилизационной парадигме изменений в системах социальных коммуникаций. Первичная фаза и модус ее существования и выражения — мифологическая или мышление о праве в мифопоэтических образах и ритуальных техниках производства и воспроизводства практик социального общения. Миф — первоначальная форма отображения и санкционирования социальной

реальности, перевода воображаемого в фактическое. Завершенный формат мифопоэтического мышления нашел себя в порождающем фактическую реальность эйдосе (*творящем дискурсе*) платоновской теософии. Архаическую стадию культурно-исторической эволюции юридических картин мира (рефлекторного мышления) сменила религиозно-символическая фаза и модус ее проявления. Вторичная моделирующая правопорядок система мышления о праве, основанная на вере божественное предопределение практик организации власти и управления. Завершающая цикл культурно-исторических трансформаций юридических картин мира — рационально-логическая или фаза понятийного (рефлексивного) мышления о праве, формальная система логически выводимых суждений должного социального порядка. Ее предметное воплощение нашло себя в эмпирико-аналитической модели описания государственно-правовых порядков Аристотеля. Эволюционные и парадигмальные трансформации юридических картин мира получили свое отображение в собственных когнитивных формах нормативного восприятия и аналитического структурирования действительности, организованной в системе ее социальных иерархий и социальных сетей, начиная от первоначальных сообществ и завершая современными обществами на языке Фердинанда Тённиса [49; 50; 51].

Архаические сообщества — ритуальные сообщества медленного циклического времени, населенного духами предков пространства и традиционного права. Сообщества предписанных (*аскриптивных*) нормативных статусов и ролей. Первая знаниевая форма определена жесткой системой мифологических представлений о должном порядке и его источниках. Это проявление органического правосознания первоначальных сообществ и архетипических проекций должного в сущем. Оно включало в себя сакральное знание для посвященных и выражало сложную структуру отношений между бытийным Хаосом и упорядоченным Космосом, эмпирической повседневностью и социоприродной метафизикой. Это первородный язык социального общения, отраженный в ритуальных практиках и институтах передачи новым поколениям — жреческих сообществах [52; 53]. Эволюция юриспруденции в определениях профессионально практикующих юристов, выраженная в комментариях, классификациях и обобщениях правового материала по отдельным правовым категориям и институтам востребовала на определенной фазе своего систематического развития появление учебной юридической литературы. В терминах своей эпохи «Институций», с одной стороны, резюмирующий уровень научно-практического осмысления отдельных аспектов правовой организации и регулирования в их пропедевтическом изложении. А, с другой стороны, отражающих потребность подготовки юристов, осваивающих и владеющих унифицированным языком описания и объяснения правовых ситуаций и событий своего времени [54].

Языки практической и теоретической юриспруденции, языки правовых конструкций (и правил юридической техники) и языки правовых понятий

(и правил их операционализации) определяют и фиксируют институциональные и концептуальные основания и границы общей правовой реальности, ее категориально-понятийные и нормативные ряды и системы, последовательности и сочетания. В этом смысле институциональное прошлое права и концептуальная история науки права, каждая в своей собственной логике существования и воспроизводства, выражают историческую грамматику правопорядка своего места и времени, ее юридический инструментарий и правила организации и функционирования. Традиция юридических школ, прерванная (и это парадокс) именно в эпоху Юстиниана, инициатора универсальной кодификации действующего римского права, была восстановлена уже в средневековой Европе в совершенно ином социально-экономическом и культурном контексте и продолжает быть востребованным элементом развития современных правовых систем [55; 56].

По существу, как в своих истоках, так и современном состоянии своего развития, общий предмет юридической науки связан с выявлением и разработкой институциональных и концептуальных рядов и группировок права, их сочетаний и пересечений, а также парадигматических и синтагматических отношений юридических языков отдельных исторических эпох в их синхроническом и диахроническом измерении. Именно в этой логике постановки вопроса проблема открытия юриспруденции самое себя может найти предметно-историческое воплощение и позволит выскочить из ловушки сложившихся догматических схем понимания и объяснения права [57; 58].

Мир рассеянного, образного и эмпирического знания партикулярных этнических сообществ, живущих магическими представлениями и формами социального общения; юридическое знание живой устной традиции, переживаемой и передаваемой культурными механизмами исторической памяти и основанное на многослойных нарративах творения мира, практических действиях и конечного воздаяния героям культурного пантеона; проявления феномена органической нормативной реальности, творящей воображаемую нормативную реальность. Следующая фаза культурно-исторической и концептуальной эволюции права представлена сложной сетью религиозных определений должного поведения — правовой теологией. Это нормативная система правопорядка обществ вертикального вероучительного правосознания, источника права, основанного на вере в предзаданность всего сущего и не-сущего божественным волеизъявлением.

Религиозное общество — это стратифицированное общество разделенного, вечного и преходящего времени, пространства и права. Его ментальное основание составляет разграничение Земного и Небесного порядков. Отсюда различие божественного и профанного, права боговдохновенного, дарованного и предписанного, права Ветхого и Нового заветов, Коранического права. Это — право и юридическое знание, основанное на принципе изначального дуализма мира духовного и материального; мира дифференцированного учительного знания совершенного небесного порядка как альтернативы

несовершенному земному порядку. Его концептуальная форма — символическое знание, отражающее извечный конфликт видимого и невидимого, мира живых и мертвых, грешников и мучеников веры, мира относительного сущего и абсолютного должного. Исторические репрезентации развернуты в индуистской и иудаистской традиции трансляции знания, определяемого в модальностях чистого или нечистого, правильного или неправильного поведения. Представлены институтами производства истинных знаний и ритуальных предписаний этико-нормативных школ брахманов и учителей Закона [59]. Феномен воображаемой нормативной реальности, творящей фактическую нормативную реальность [60].

На третьей фазе культурной эволюции социальных отношений, порядок которых выстраивается в логике рациональных конструкций правовой реальности, на юридической авансцене царит система сложноорганизованных формальных институтов и определений права. Это правопорядок общества линейного времени, иерархического пространства и сегментированного права. Его концептуальное измерение включает юридическое знание, выраженное в системе понятий, в основании которых лежат дедуктивно и индуктивно выводимые суждения о должном поведении. Это право, основанное на формальных определениях и выводимых из них понятиях господства и подчинения. Мир концентрированного юридического знания, различающего его категориальное ядро и аналитическую периферию. Его концептуальная форма — знание, абстрактное, логически выстроенное и рациональное; классическая форма — правовая догматика и аксиоматика позитивного права как завершенной в себе совокупности принципов, дефиниций и норм; живая высокая форма — правовая герменевтика или юриспруденция скрытого глубинного текста внутри внешнего формального текста, обеспечивающая существование непрерывной культурно-исторической традиции образно-метафорической и понятийной концептуализации права и науки права. Феномен секулярной нормативной реальности — выражение процесса маргинализации священного и божественного в системах социального общения².

Новая эпоха социальных конфигураций — это эпоха манифестации новых форм социального общения — имитации свободы в заданных траекториях сетевого поведения. Время сообществ с неопределенными нормативными границами социальных практик и конкурирующих представлений о долж-

² В другом культурно-историческом (цивилизационном) контексте также имел место процесс смены иератического (священного) языка древнеегипетской письменной традиции демотическим (профанным) языком повседневного общения. Священные, правопорождающие языки и тексты постепенно ушли из исторической памяти и исчезли из обихода, сохраняя себя для торжественных дат и ритуальных практик. Зато скоропись объективно была востребована социальной и культурной практикой. В современном мире смс-сообщения замещают и разрушают классические формы социальной коммуникации. Человек говорящий, а значит, и мыслящий, деградирует на глазах. Останутся одни смайлики, жесты и искусственный интеллект. А затем венец всего сущего — тишина.

ном порядке взаимоотношений с его апостолами и пророками³. Это жизнь социальных сетей, мобильного времени, гетерархического [61] пространства и трансграничного [62] права. Его ментальное основание заключено в идее деконструкции всего сущего и не-сущего, ризомах и симулякрах наличных форм социального общения, ухода от моноиерархий и его права, закрытого для изменений за рамками установленных границ официально-санкционированного правопорядка. Формирование «броуновской» среды обитания и права, размытого в своих концептуальных и нормативных положениях, бросает вызов тому, что еще вчера казалось безусловным и определенным — целеполаганию и рациональному выбору. Феномен текучей нормативности социальных отношений на языке Зигмунта Баумана [63] и социальных трансакций в самих себе заключающих свое собственное право. Его концептуальное отображение — критическая, прежде всего в отношении своего наличного языка и междисциплинарной структуры, юриспруденция.

Очевидно, что регулярное появление критико-аналитических материалов в той или иной области знания выражает, как правило, промежуточный итог систематической, насыщенной проблемно-тематическим содержанием работы самого профессионального научного сообщества с его критическим этосом восприятия результатов собственной деятельности. Особенно это касается юридической науки с ее фрагментированными направлениями исследований государственно-правовых явлений, в которых собственно предметные и методологические основания существуют в единстве определения их содержания и формы. Например, правовая антропология и антропология права, социология права и юридическая социология, политическая юриспруденция и правовая политика. Это тождественные или автономные области юридических исследований? Если автономные, то в чем различия в их собственной аналитике? Глупых вопросов много, умных ответов мало или наоборот. Диалектика познания! Юридическая наука о чем? Видимо, о юридическом. Что такое юридическое? Каким образом социальные факты — социальное отношение, представление и поведение — становятся юридическими фактами — юридическими отношениями, представлениями и поведением. Юридическое заключено внутри социального факта или привносится в социальный факт, оно онтологически дано или феноменологически задано, абсолютно или контекстуально. Где начинаются и кончаются границы юридического отношения и понимания действи-

³ Галерея имен и текстов — Жак Деррида, Жиль Делёз, Жан Бодрийяр, Мишель Фуко в образах библейских пастырей и учителей во сне и наяву. Носители нового критического сознания и стиля мышления, разрушители классических концептов мировосприятия, его мифологии, культуры и языка. Явление из гроба Ф. Кафки, З. Фрейда и Ф. Ницше. Оды революционной радости открытия нового мира и ужаса исполнения пророческих откровений Иоанна Богослова. На самом деле нет ничего нового под луной, ничего не меняется, все возвращается на круги своя. Слова разные — постправо, трансграничное право, надграничное право, жесткое право, мягкое право, а реальность — одна: право либо есть, либо его нет. Дело за немногим, определить, что есть право? Что есть неправое, каждый знает на своем опыте.

тельности и границы предмета собственно юридической науки и границы ее междисциплинарных контактов, пересечений и заимствований? И так далее и тому подобное. Как соотносятся между собой в рамках общей теории права философия и эпистемология права, социология и антропология права? Что делать с формально-догматической юриспруденцией, которая утверждает, что на государственно-организованном «солнце» нет и не может быть темных пятен, если только и нечто возможно, то только легкая рябь перехода от светлого настоящего к еще более светлому будущему? И можно ли данный формат юридической науки считать наукой, если выраженная в нем функция апологии наличного правопорядка снимает проблему и тему его аналитической критики?

Смена исторических эпох — это не только и не столько смена технико-экономических и политико-правовых укладов. Это смена гештальта или глубинных ментальных оснований организации социальных порядков, влекущих необратимые изменения, как в аксиологии переживания смыслов существования, так и эпистемологии их определения в границах языка новой социокультуры. Сегодня на смену человеку слова приходит человек цифры. Системы живых вербальных коммуникаций и персонифицированных форм социального общения замещаются цифровыми конфигурациями присутствия в сетях заданных траекторий и вариантов поведения. Субъект сетевых коммуникаций обладает минимальной степенью свободы выбора формата своего поведения внутри сети. Сеть формирует и форматирует собственную правовую реальность, реальность, в которой существует и воспроизводит себя унифицированный и лишенный права быть самим собой конструкт — дивид, лишенный субъектности. Общество цифровых платформ и технологий — абсолютно несвободное общество [64]. Это конгломераты статистических единиц в своих физических и интеллектуальных проявлениях. Сетевое общество, идущее на смену гражданскому обществу, не живет определениями своего права или рамочными интерпретациями юридической свободы в практиках социального общения. Сетевое право эпохи цифровых технологий не знает субъективного права. Это общество, о котором грезил еще Платон. Новая реальность активно формирует свой словарь, лексику и грамматику, свою аксиологию и эпистемологию абсолютной несвободы.

Эволюция права (институтов) и эволюция представлений о праве (знаний) включены и являются составными элементами общей эволюции правовых систем своего времени и места. Переходы доправовых форм нормативной регуляции к государственно-правовым и донаучных форм юридического мышления к понятийным связаны и определяются фундаментальными сдвигами и трансформациями лежащих в их основании юридических картин мира или фундаментальными для различных исторических эпох формами и представлениями о должном порядке социальных отношений. *Осевое время* (в терминах К. Ясперса) и *смена гештальта* (в терминах О. Шпенглера) продолжают заключать в себе при всей их метафоричности базовые

концепты понимания и определения изменений языков социального общения и языков их описания и объяснения в их исторических практиках и формах манифестации. Институциональная и концептуальная эволюции правовых систем в реальной логике взаимных отношений и пересечений образуют общий предмет юриспруденции — теории и истории производства и разрушения правовых систем в историческом времени и пространстве.

Постскрипtum или введение в генеалогию концептуальных парадигм

Фундаментальная тема юридических исследований новой исторической эпохи или эпохи сетевых сообществ — право и системы знаний о праве быть свободным. Преобразования структур социального общения в контексте смены доминирующих юридических картин мира или правосознаний своей эпохи определяют сегодня нормативные рамки и динамику движения от права социальных иерархий к праву социальных сетей. Исторически выработанные нормативные модели представили разнообразные по своей сложности кодифицированные комплексы сочетаний горизонтальных и вертикальных связей в отдельных сферах социального общения. Выражая различные формы зависимости между участниками социальных отношений, они обеспечивали правопорядок в границах правосознания своей исторической эпохи. В сетевых нормативных моделях нет вертикальных и горизонтальных связей, а только траектории и их пересечения, в узлах которых собственно и протекают процессы юридической самоорганизации взаимных отношений. Подвижные системы нормативной регуляции, сопровождающие процессы социальных коммуникаций в режиме текущего времени, в отличие от статичных систем нормативной регуляции социального поведения трех нормативных исторических традиций — один из возможных вариантов ответа на требования нового времени. Переход от классической эпохи существования представлений о должном порядке отношений в эпоху распада догматического и аксиоматического правосознания в практиках социального общения, его онтологии, аксиологии и эпистемологии к новым знаковым и нормативным формам понимания и общения — сам по себе являющийся в своих собственных определениях и значениях культурно-исторический процесс.

Каждая эпоха развития права и науки права характеризуется собственными предметными и концептуальными основаниями становления и развития своих правовых систем, своими когнитивными стилями и говорит на своем нормативном и аналитическом языке. Что объединяет три высокие традиции существования права и науки права и эпохи перемен? Целостное или разорванное единство образа жизни и образа мысли, норм и представлений о нормах? Традиционное право и его концепты (*мифологемы*), религиозное право и его юридическая теология (*богооткровенные истины*), позитивное право и его понятийная аксиоматика (*аналитика*) — социокультурные формы существования и выражения социальных отношений в правосознании

своего *осевого* времени никуда не уходят, а лишь меняют свою внутреннюю эпистемическую и деонтическую модальность. Генезис юриспруденции, преобразования ее исторической проблематики, языка, знаковых форм выражения юридического знания и дисциплинарной структуры являются общим предметом сравнительно-исторической юриспруденции, совмещающей в себе философию и теорию права, правовую лингвистику, антропологию и психологию.

Образование и открытие юриспруденции, ее институциональная эволюция и трансформации форм юридического знания — комплексная проблема и междисциплинарная тема юридической науки в целом, которая определяет наиболее перспективные направления исследования в области современного социогуманитарного знания. Проблема поиска нового концептуального языка неизбежно требует совмещения традиционных подходов, сохраняющих свой аналитический потенциал, так и междисциплинарного наследия, которое юридическая наука получила, благодаря расширению собственных предметных границ. Отдавая должное куновской модели *парадигмальных переходов* в развитии науки (Томас Кун, «Структура научных революций», 1962); концепции *«полей и практик»* П. Бурдьё, открывшей значение контекстуальных оснований и условий производства знания как культурного капитала своей эпохи; идее аналитического *«ядра и периферии»* в организации и структурировании дисциплинарных систем знаний, юриспруденция должна быть готова к концептуальным и практическим вызовам современности.

Новый предмет и проблема — это разрешение фундаментальных коллизий иерархических и сетевых нормативных порядков социального общения, разрывов преемственности и перехода от знания санкционированного и аксиоматического к знанию конвенциональному и критическому. Извечная дилемма — право для всех или для избранных, знание о праве для всех или для избранных — обретает свою новую историческую форму — собрания конкурирующих за доминирование сетевых иерархий и легитимирующих их представлений. Мы еще не знаем всех последствий явления новой концептуальной и нормативной реальности [65]. Этот симбиоз подвижных форм социального общения и понимания открывает или закрывает будущее? Это не столько вопрос соотношения «жесткого» и «мягкого» права, а формирования новых форм юридической организации социальных отношений, их институционализации и позитивации.

Очевидно и другое. Эволюции *форм юридического мышления* или юридических картин мира (переживания, восприятия, понимания и отношения к праву), *форм нормативной регуляции* (или модусов, стереотипов и стандартов поведения) и *языков рассуждения* о правовых явлениях (или аналитического инструментария) образуют три взаимозависимых измерения и уровня правовой реальности своего исторического времени. Юриспруденция как таковая остается фундаментальной когнитивной формой осмысления и

репрезентации правопорядков любой эпохи, являясь органической частью их социокультур и правовых систем. Юридическая наука в своей понятийной, логически выстроенной системе представлений о праве — всего лишь одна из возможных концептуальных комбинаций культурно-исторического процесса осознания права, изучения и понимания его метафизических смыслов и текущих, инструментальных значений.

Бесконечное разнообразие знаково-репрезентативных форм юридического знания, разрывы и преемственности в развитии способов институционального общения, языков описания и объяснения права, их парадигматике и синтагматике, составляют собственный предмет семиотически ориентированной культурно-исторической юриспруденции. Проблема в том, что обозначаемое (*предмет*), обозначающее (*дискурс*) и обозначенное (*концепт*) непрерывно меняются знаковыми местами, замещают, выражают и переопределяют друг друга. Комбинации слов превращаются в комбинации значений только в живой практике (прагматике) развития своего предмета и методов, которые также не существуют сами по себе. Прежде чем изучать явление, надо найти его предмет в рамочных определениях контекста и метатекста собственных категорий его существования и изучения [66]. Разработка теории предмета и корреспондирующих ему методов имеет место также только в системе междисциплинарных связей и отношений юриспруденции наличной исторической эпохи и стиля ее этнического и языкового мышления.

Все возвращается на круги своя. Вечно зелено не только древо жизни, но также и древо познания, о чем говорили в свое непреходящее время еще библейские тексты. Мифопоэтическая, религиозная и понятийная формы осмысления действительности живут собственной жизнью, выражая и опредмечивая себя в различных исторических практиках концептуального и институционального развития. В общей социокультурной динамике их взаимных отношений и переходов непрерывно протекают процессы переносов и изменений эпистемических и деонтических статусов и значений в совместно вырабатываемых формах социального общения. Исторические трансформации в составе и структуре ядра и периферии социокультурной регуляции [27] периодически, синхронно или асинхронно, симметрично или ассиметрично меняя нормативные роли и позиции ее базовых элементов, — идей, норм и ценностей, сохраняют или разрушают, расширяют или сужают когнитивные и мировоззренческие основания или *этнос* человеческого, а значит, и юридического существования.

Мифология и теология, переплетения воображаемого и реального, фактического и символического — изначальные и первичные способы концептуализации социальных отношений. Это — проявления коллективного сознания, в котором получают свое ментальное выражение формы и механизмы юридического восприятия действительности и воздействия на глубинные процессы социальной интеграции и дезинтеграции, лежащие в основании текущих и повседневных практик и представлений о должном

правопорядке. Социокультурные матрицы любой исторической эпохи в своем генезисе уже включают в себе разнообразные и конкурирующие форматы и тенденции юридического понимания и организации социальных отношений. Доминирование одних нормативных моделей в общей системе социальной регуляции над другими вариативно. Смена юридических картин мира не меняет конститутивной роли самих идей, норм и ценностей в их универсальной способности, функционально изменяясь, оставаться ключевыми элементами общей структуры нормативной регуляции.

Миф, вера и ритуал — объяснительные схемы и модели поведения, вечные спутники человека, феноменологически заданные формы его социального бытования (социализации и понимания, адаптации и мобилизации) и вечные объекты изучения юридической науки. Сегодня они выступают фундаментальными альтернативами всеобъемлющей рационализации как права, так и науки права, которые в своей действительности включают самые разнообразные и конкурирующие смыслы и значения. Чтобы их увидеть и понять, следует критически осмыслить привычные стандарты квалификации знания как логически верифицируемого набора определений. Явление права живет и в образах, и понятиях юридических картин мира каждой исторической эпохи выражения и понимания права. Аналитические языки антропологии, герменевтики и эпистемологии права составляют сегодня ключевые подходы и направления теоретико-методологической рефлексии на предмет, что право делает правом, а юридическую науку наукой. Описать и объяснить состояние и перспективы развития современного правоведения с учетом различных дисциплин и подходов (историко-генетического, сравнительного, контекстуального) в логике субсидиарности их аналитических языков — первоочередная задача и тема новой юриспруденции.

Список литературы

1. Беляев М.А. Постсоветское юридическое мышление и его субъект // Проблемы постсоветской теории и философии права. Сб. статей. М., 2016. С. 4–71.
2. Мордовцев А.Ю. Юридическое мышление в контексте сравнительного правоведения: культурантропологические проблемы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 38–49.
3. Леви Э.Х. Введение в правовое мышление. М., 1995. 115 с.
4. Кленнер Г. От права природы к природе права. М., 1988. 321 с.
5. Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. М., 1886. 103 с.
6. Савиньи Ф.К. фон. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина, под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. Т. I. М., 2011. С. 128–207.
7. Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. СПб., 2001. 417 с.

8. Касаткин С.Н. Юриспруденция и словоупотребление. Проект юридической догматики // Юриспруденция в поисках идентичности. Сб. статей, переводов, рефератов. Самара. 2010. С. 10–25.
9. Лапаева В.В. Российская юриспруденция в поисках нового типа правовопонимания // Наш трудный путь к праву: материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. М., 2006. С. 53–61.
10. Нерсесянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998. 288 с.
11. Азаркин Н.М. Всеобщая история юриспруденции. М., 2003. 608 с.
12. Юриспруденция XXI века: горизонты развития. СПб., 2006. 657 с.
13. История юридических наук в России: Сб. статей / под ред. проф. О.Е. Кутафина. М., 2009. 503 с.
14. Проблемы постсоветской теории и философии права. Сб. статей. М., 2016. 296 с.
15. Иеринг Р. Дух римского права на различных этапах его развития // Избранные труды. В 2 т. Т. II. СПб., 2006. С. 21–26.
16. Гримм Д.Д. Курс римского права. Учение об основных правовых понятиях. СПб., 1904. 178 с.
17. Покровский И.А. История римского права. СПб., 1998. 560 с.
18. Муромцев С.А. Рецепция римского права на Западе. М., 1886. 159 с.
19. Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972. 123 с.
20. Якобсон Р. Язык и бессознательное. М., 1996. 247 с.
21. Темнов В.И. Звучащая юриспруденция. М., 2010. 550 с.
22. Дорофеев Д.Ю. Личность и коммуникации. Антропология устного и письменного слова в античной культуре. СПб., 2015. 640 с.
23. Де Гроот Г.Р. Язык и право // Ежегодник сравнительного правоведения. М.: Норма, 2003. С. 34–41.
24. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. 320 с.
25. Власенко Н.А. Избранное. М., 2015. 688 с.
26. Андрианов Н.В. Воспроизводство права как проблема семиотики права // Постклассическая онтология права. СПб., 2016. С. 509–560.
27. Гаджиев Г.А. Онтология права. М., 2013. 320 с.
28. Харт Г.Л.А. Философия и язык права. М., 2017. 480 с.
29. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000. 1055 с.
30. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. 407 с.
31. Моррис И. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности. М., 2017. 455 с.
32. Сеннет Р. Плоть и камень. Тело и город в западной цивилизации. М., 2016. 420 с.
33. Болдуин Р. Великая конвергенция. Информационные технологии и новая глобализация. М., 2018. 416 с.
34. Эткинд А. Природа зла. Сырье и государство. М., 2020. 504 с.
35. Игнацио Ф.Д. О своевременности перевода Дигест с точки зрения культуры // Дигесты Юстиниана. Том 8. Статьи и указатели / Отв. ред. Кофанов Л.Л. М., 2006. С. 43–48.

36. Кофанов Л.Л., Суханов Е.А. О значении русского перевода Дигест Юстиниана // Дигесты Юстиниана. Том 8. Статьи и указатели / Отв. ред. Кофанов Л.Л. М., 2006. С. 9–19.
37. Гарсиа Гарридо М.Х. Испанские переводы Дигест Юстиниана // Дигесты Юстиниана. Том 8. Статьи и указатели / Отв. ред. Кофанов Л.Л. М., 2006. С. 20–27.
38. Касавин И.Т. Текст, дискурс, контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008. 437 с.
39. Кленнер Г. От права природы к природе права. М., 1988. 319 с.
40. Хофельд У.Н. Основные юридические понятия. СПб., 2016. 326 с.
41. Кауфман А. Философия права, теория права, правовая догматика // Государство и право. 2019. № 5. С. 18–29.
42. Уакс Р. Философия права. Краткое введение. М., 2020. 176 с.
43. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. 256 с.
44. Бурдые П. О государстве. М., 2017. 720 с.
45. Фукуяма Ф. Государственный порядок. М., 2015. 688 с.
46. Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее. М., 2019. 504 с.
47. Бёрк П. Что такое культуральная история? М., 2015. 240 с.
48. Ваарденбург Ж. Религия и религии: Систематическое введение в религиоведение. СПб., 2016. 216 с.
49. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия и истоки социологии. СПб., 2002. 452 с.
50. Хайек Ф. Заметки об эволюции систем правил поведения // Собрание сочинений. Рынок и другие порядки. М., Челябинск. Том 15. 2020. С. 364–383.
51. Нормы и мораль в социологической теории. От классических концепций к новым идеям. М., 2017. 288 с.
52. Кофанов Л.Л. Lex и Jus: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. М., 2006. 574 с.
53. Сидорович О.В. Жреческая традиция в Древнем Риме. Культ, ритуал, история. М., 2018. 278 с.
54. Дождев Д.В. Система «Институций» // Институции Гая. М., 2020. С. 353–382.
55. Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики. М., 2012. 496 с.
56. Полдников Д.Ю. Договорные теории глоссаторов (XII–XIII вв.). М., 2008. 344 с.
57. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. 264 с.
58. Берг Л.Н. Правовое воздействие: инструментальный аспект. Екатеринбург, 2019.
59. Зильберман Д. К пониманию культурной традиции. М., 2015. 624 с.
60. Фюстель де Куланж Н.Д. Гражданская община античного мира. М., 2019. 448 с.
61. Красавин И. Техне. Сборка сообщества. М.- Екатеринбург, 2013. 595 с.
62. Варламова Н.В. Гетерархичность современных правовых систем и постсоветская теория права // Проблемы постсоветской теории и философии права. Сб. статей. М., 2016. С. 30–71.

63. Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008. 240 с.
64. Срничек Н. Капитализм платформ. М., 2018. 128 с.
65. Катерный И.В. Трансмобильность и нормативный морфогенез в условиях постгуманизированного общества: Как все еще возможен социальный порядок? //Нормы и мораль в социологической теории. От классических концепций к новым идеям. М., 2017. С. 91–134.
66. Айзенштадт С.Н. Культура, религия и развитие в Североамериканской и Latinoамериканской цивилизациях // Международный журнал социальных наук. 1993. № 1.